

Глава вторая Трудный ребенок

После смерти царевича Алексея Петр остался круглым сиротой. Заботу о нем возложила на себя сердобольная супруга царя Екатерина. В 1719 году она назначила своего пажа Семена Афанасьевича Маврина воспитателем четырехлетнего великого князя.

Чему и как учил Маврин Петра Алексеевича, неведомо. Но судя по тому, как складывалась карьера наставника, неграмотная императрица была довольна службой бывшего пажа — в 1725 году он был произведен в камер-юнкеры, пожалован несколькими деревнями, а в начале 1727 года получил один из высших придворных чинов камергера. Благоклонное отношение императрицы к Маврину выразилось и в том, что она выдала за него замуж камер-фрейлину своей племянницы княжну Лобанову. Вероятно, обязанности Маврина ограничивались не столько обучением, сколько воспитанием: знаниями, необходимыми для обучения Петра, бывший паж не располагал.

(Карьера Маврина оборвалась в 1727 году, когда обнаружилась его причастность к кружку Аграфены Петровны Волконской, интриговавшего против Меншикова. Как только светлейшему стало известно, что члены кружка стремились воспрепятствовать его желанию породниться с царствующей династией, все они подверглись ссылке.)

В 1722 году за обучение внука взялся Петр Великий, более компетентный в требованиях, предъявляемых к тому человеку, который должен отправлять эту должность. Выбор его пал на Ивана Алексеевича Зейкина (по другой транскрипции: Зейкера), служившего учителем в доме Александра Львовича Нарышкина, племянника царя.

Петр лично обратился к Зейкину с просьбой стать наставником внука: «Господин Зейкин! Понеже время пришло учить внука нашего, того ради, ведая ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому, которое дело начни с Богом по осени...»¹

Зейкин, видимо по подсказке Нарышкина, долго отказывался от поручения, ссылаясь на неспособность выполнить столь ответственное поручение. Он отвечал царю письмом, в котором заявлял, что «за мою старостию и дряхлостию оное бремя понести не могу. К тому же, в науках и языках недостаточен, такова искусства не имею, штоб высокое вашего императорского величества изволение мог достоительно исправить и в том ваш государский гнев на себя наведу». Ответ заканчивался просьбой его «от оной службы отставить».

Одновременно Зейкин обратился с письмом, вероятно, к Макарову, чтобы тот «предстательствовал» перед Петром I об освобождении от должности воспитателя. Отказ он мотивировал своей «к толикому делу негодностью» и объяснял, в чем она состоит: «Тут надобна бодрость неусыпная и искусство повсеместное, а я на што ни подумаю, всего мне не достает к исправлению моей в таком служении должности в науках таким высоким лицам пристойных я не достаточен, в языках не доволен, в придворных поступках весьма не заобычен». Зейкин убеждал Макарова, что он не справится с поручением, как «человек чужестранный, беспомощный и многими напастьми награжденный». Он и рад бы повиноваться указу, «да совесть моя заставляет мене донести мои к тому делу недостатки».

С аналогичной просьбой Зейкин обратился и к Нарышкину: «Пожалуйста, государь мой, помилосердствуйте обо мне, слуге своем, извольте исходатайствовать,

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1993. С. 90.

штоб мне налагаемое бремя миновать... Ни ума, ни силы столько нет, штоб мне оное снести».

Нарышкин тоже обращался к Макарову, чтобы тот «предстательствовал» перед Петром об освобождении Зейкина от обязанностей наставника великого князя, но, судя по ответу кабинет-секретаря Александру Львовичу, успеха не достиг. В письме от 17 мая 1722 года Макаров перед отъездом из Коломны в Астрахань писал Нарышкину: «Хотя я всеми мерами трудился, чтоб господина Зейкера известное бремя миновало, однако ж ничто успело, и изволил ныне его величество написать к нему своеручное письмо, которое послано с Павлом Ивановичем (Ягужинским. — *Н. П.*), где написано, чтоб он то дело начинал кончая с ноября месяца. И хотя я при том доносил, что вы уволены до декабря и чтоб с вами ему ехать, на что изволил сказать последнее, что де и так время немало».²

Петр догадался, что Макаров действовал по просьбе Нарышкина: Нарышкин «его не отпускает, притворяя удобовозможные подлоги, и понеже я не привык жить с такими, которые не слушают, да смирно, того ради и скажи и объяви... что ежели... Зейкин по данному письменному указу не учинит... то я не над Зейкиным, но над ним (Нарышкиным. — *Н. П.*) то учиню, что доводится преслушникам чинить, ибо все сие от него происходит».

Царь отправил Зейкину новое послание. По тональности оно резко отличается от первого: тогда царь обращался к Зейкину как частное лицо, с просьбой. Второе же послание царь назвал указом, который надлежало безоговорочно выполнить. «Указ господину Зейкину, — писал он 10 ноября 1723 года. — Определяю вас учителем к нашему внуку, и когда сей указ получишь, вступи в дело сие немедленно».

Переписка о назначении Зейкина учителем свидетельствует, с одной стороны, о заботе царя об образовании внука, а с другой — о потере времени, для этого предназначенного. Зейкин не оставил никакой программы обучения, не указал ни предметов, которыми занимался с воспитанником, ни времени, отведенного на эти занятия. С уверенностью можно сказать, что он обучил великого князя латинскому языку: преемник Зейкина барон Остерман не вложил латинский язык в программу образования, из чего следует, что великий князь уже усвоил этот предмет.

Назначил Зейкина учителем Петр I, однако исполнять свою должность ему пришлось в те годы, когда престол занимала императрица Екатерина, а всеми делами управлял всесильный Меншиков.

10 июля 1727 года Зейкин отбыл на родину в Венгрию, и обучение наследника оказалось в руках Остермана, назначенного на эту должность Меншиковым. К этому времени Екатерина уже скончалась (это случилось 6 мая 1727 года), а великий князь был провозглашен императором.

Отметим, что неграмотный Меншиков знал цену образованию и образованным людям. Назначив Андрея Ивановича Остермана на должность воспитателя, он не освободил его от должностей вице-канцлера и члена Верховного тайного совета.

На первый взгляд это был весьма удачный выбор. Во-первых, Остерман был обязан своей карьере Меншикову — это по его предложению Екатерина I назначила Остермана членом высшего правительственного учреждения — Верховного тайного совета. На первых порах Андрей Иванович проявлял по отношению к своему покровителю полное послушание — не скупился на разумные советы, одним словом, выдавал себя за верного слугу князя. Во-вторых, Остерман принадлежал к числу наиболее образованных людей России. По своей образованности он уступал, пожалуй, лишь новгородскому епископу Феофану Прокоповичу. Но отношения последнего с Меншиковым были натянутыми, так что князь не рискнул передать

² РГАДА. Ф. 2. Д. 24. Л. 1–5.

воспитание императора и своего вероятного в будущем зятя человеку, способному использовать должность наставника, чтобы привить воспитаннику неприязнь к будущему тестю.

Остерман согласился принять должность, вполне оценив ее значение для будущей карьеры. Постоянные контакты с воспитанником сулили ему немалые выгоды, тем более что он рассчитывал установить с юным Петром доверительные отношения, так сказать, привязать его к себе, подчинить своему влиянию.

В судьбе Петра II Остерман сыграл исключительно важную роль. Как и Меншиков, он принадлежит к наиболее влиятельным фигурам в истории России первой половины XVIII века. Это заставляет нас более внимательно присмотреться к нему.

Портрет Остермана мастерски изобразил современник, секретарь английского посольства Клавдий Рондо, отличавшийся наблюдательностью и стремлением проникнуть во внутренний мир изображаемого им человека. В депеше, отправленной из Москвы в январе 1730 года, он писал:

«Барон Остерман, родом из вестфальского городка Эссена (в действительности Остерман родился в Бохуме. — *Н. П.*), сын бедного местного священника, взят в услужение Крюйсом в Голландии в качестве камерфора. Рекомендован барону Шафирову для занятия в Посольской канцелярии. Продвигаясь по службе, Остерман занимал должности: толмача, переводчика, секретаря, наконец, советника Посольской канцелярии.

Ума и ловкости в нем, кажется, отрицать нельзя, но он чрезвычайно хитер, изворотлив, лжив и плутоват, ведет себя покорно, вкрадчиво, низко стгибается и кланяется, что русскими признается высшей вежливостью. В этом качестве он превосходит всех природных русских.

Он любит пожить, эпикуреец, иногда в нем прорывается некоторое великодушие, но благодарность ему знакома мало. Когда при дворе происходил раздор между Меншиковым и канцлером Головкиным, с одной стороны, и бароном Шафировым — с другой, Остерман покинул не только своего покровителя и благодетеля Шафирова, но еще соединился с его врагами. Победенный Шафиров сослан был в Архангельск (в действительности в Новгород. — *Н. П.*), а так как с его ссылкой при дворе никого, кто бы знал иностранные языки, не было, Остерман по предложению Меншикова вскоре возведен в вице-канцлеры. Меншикова же Остерман отблагодарил, подготовив его падение в прошлое царствование (при Петре II. — *Н. П.*), что хорошо известно всему свету». ³

Это самая обширная характеристика Остермана. Прочие современники ограничивались регистрацией отдельных черт характера Андрея Ивановича. Но в отзыве К. Рондо имеется существенный недостаток — он не заметил некоторых важных свойств его натуры, и поэтому, не оспаривая написанного К. Рондо, справедливости ради, надобно отметить положительные черты характера Остермана, которыми он бесспорно был наделен.

Покровительство Меншикова карьере Остермана простиралось далее назначения его вице-канцлером. При Екатерине I он был введен в состав Верховного тайного совета, в котором фактически заправлял делами. Короче, Меншиков, по словам французского посла Кампредона, «не безосновательно считал Остермана своим созданием». ⁴ О нравственном облике Остермана писал другой дипломат, испанский посол де Лириа, мнение которого совпадает с мнением К. Рондо:

³ Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 160, 161.

⁴ Сб. РИО. Т. 64. СПб., 1889. С. 519.

Остерман «лжив, для достижения своей цели готов на все, религии он не имеет, потому что уже три раза менял ее, и чрезвычайно коварен».⁵

К. Рондо оставил без внимания такое важное свойство Остермана, как необычайная работоспособность. Чтобы вполне оценить его роль в Верховном тайном совете, назовем других его членов, оставшихся там после ссылки Меншикова в Березов. Первым был президент Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксин, умерший в 1729 году. Вторым — Г. И. Головкин, занимавший два десятилетия должность канцлера, то есть руководивший внешнеполитическим ведомством. Но он никогда не отличался способностями, тоже имел преклонный возраст и просился в монастырскую келью, хотя в конце концов поддался настойчивым уговорам Остермана и исполнял должность до самой смерти в 1736 году. Головкин был номинальным главой внешнеполитического ведомства. Но эта должность требовала знаний иностранных языков, которыми канцлер не владел, и поэтому иностранные дипломаты предпочитали иметь дело сначала с Шафировым, а затем со сменившим его Остерманом.

Третьим членом Верховного тайного совета был Д. М. Голицын, человек несомненно умный и образованный, но кичившийся своим происхождением от Гедиминовичей и аристократическими повадками в такой мере, что принуждал своего младшего брата фельдмаршала М. М. Голицына вставать при своем появлении. Дмитрий Михайлович мог высказывать разумные суждения, но барская спесь препятствовала претворению их в жизнь. Князь, как и всякий аристократ, считал для себя унижительным выполнять любого вида черновую повседневную работу, он привык повелевать. Зная соотношение сил в Верховном тайном совете, сознавая вполне свое превосходство над остальными членами Совета, Голицын не стремился занять в нем положение лидера, ибо чтит правила придворной игры. Чтобы остаться на плаву, не вступал в конфликт с фаворитами, сначала с Меншиковым, а затем с Долгоруким. Дмитрий Михайлович терпеливо ждал своего звездного часа, когда он, наконец, сможет играть руководящую роль в Верховном тайном совете, и, наконец, в 1730 году дождался, возглавив движение верховников к ограничению самодержавной власти императрицы Анны Иоанновны.

Характеристика членов Верховного тайного совета понадобилась для того, чтобы подчеркнуть значение Остермана в этом учреждении — он был единственным человеком, способным с немецкой педантичностью и необыкновенным усердием выполнять повседневную работу учреждения. Он был незаменим, без него стопорилась работа Совета. Столь же незаменимым он оказался и в Кабинете министров, сменившем при Анне Иоанновне Верховный тайный совет. Чтобы еще больше влиять на ход дел, он придумал такую хитроумную систему делопроизводства, что без него никто не мог найти нужного в данную минуту документа — только он сам ориентировался в ворохе бумаг.

Остерман хорошо изучил характер российских вельмож, чуравшихся систематического труда. Нельзя не согласиться с мнением секретаря французского посольства в России Маньяна, доносившего 21 июня 1729 года: «Кредит Остермана поддерживается лишь его необходимостью для русских, почти незаменимой в том, что касается до мелочей в делах, так как ни один из русских не чувствует себя достаточно обстоятельным, чтобы взять на себя это бремя».⁶

В подобной ситуации в отсутствие Остермана учреждение превращалось в тихую заводь, его работа была парализована. Любопытное наблюдение,

⁵ Осмнадцатый век. С. 35.

⁶ Сб. РИО. Т. 75. С. 192.

подтверждающее этот факт, сделал английский поверенный в делах Т. Уорд в депеше, отправленной 18 сентября 1728 года: «Всеми делами занимается исключительно Остерман, и он сделал себя настолько необходимым, что без него русский двор не может сделать ни шагу. Когда ему неуютно явиться на заседание Совета, он сказывался больным, а раз барона Остермана нет — оба Долгоруких, адмирал Апраксин, граф Головкин и князь Голицын в затруднении; они посидят немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись; затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он таким образом заставляет их согласиться с собой во всем, что пожелает».

Все дипломаты единодушно отмечали способность Андрея Ивановича сказываться больным, когда решался какой-либо каверзный вопрос. Вице-канцлер выжидал до тех пор, пока вопрос не был решен, и тогда он присоединял свой голос к победившему большинству. Подобная тактика исключала возможность появления Остермана в лагере побежденных.

Столь же единодушно иностранные наблюдатели отмечали редкое свойство, которым в совершенстве владел Андрей Иванович, — способность втереться в доверие к собеседнику, расположить его к себе, убеждать его так, что собеседник, покидая учреждение, полагал, что лучшего и более надежного приятеля, чем Остерман, у него нет на всем белом свете.

К свойствам Остермана, высоко ценимым в дипломатии, относилось умение много говорить и ничего не сказать. Во время бесед с Остерманом иноземные послы пытались выведать у него интересующие их сведения, но Остерман, если не желал их сообщить, то на прямые вопросы давал такие уклончивые ответы, что их можно было толковать и так и этак. В результате собеседник с чем приходил, с тем и уходил.

И, наконец, последнее — Остерман умел навязывать собеседнику свои мысли так ловко и без всякого нажима, что тот в конце концов воспринимал их как свои собственные, не подозревая, что они родились в голове Остермана, а не в его собственной, и удивляясь, что его голову навестили суждения, удостоенные похвалы такого умного человека.

Среди современных ему вельмож Остерман выглядел белой вороной, поскольку не был уличен ни в казнокрадстве, ни во взяточничестве. Взятки деньгами или натурой (лошадьми, убранством к ним, персидскими коврами, дорогими сукнами, крепостными крестьянами и пр.) считались после смерти Петра столь обыденным явлением, что их относили к преступлениям лишь на бумаге. Отказ Остермана от получения подношений попал даже на страницы депеш французского и английского дипломатов. В августе 1727 года Остерман отказался от подарка царя, не приняв пожалования ему графским достоинством и деревнями, конфискованными у П. А. Толстого. По словам секретаря французского посольства Маньяна, Остерман говорил, что не заслужил их и согласится принять пожалования, когда царь станет совершеннолетним. Аналогичный случай произошел два года спустя. 23 августа 1729 года К. Рондо извещал английский двор: «Барон Остерман, человек по общим отзывам неподкупный, недавно отказался принять поместье в Пруссии, приносящее тысяч шесть крон ежегодного дохода и принадлежавшее князю Меншикову». Король этим подарком хотел подкупить Остермана, рассчитывая на то, что русская армия будет одеваться не в английское, а в прусское сукно.⁷

Чем руководствовался Андрей Иванович, отказываясь от получения солидного куша: принципиальным осуждением взяточничества и казнокрадства или страхом быть изобличенным и наказанным? Думается, второе. Подкуп дипломатов, в том

⁷ Сб. РИО. Т. 66. СПб., 1889. С. 70.

числе и русских, выдачей единовременных крупных сумм или ежегодного пенсионера был явлением, распространенным при всех европейских дворах. Но Андрей Иванович знал, что он, как иноземец, не пользовался расположением русских вельмож — у него было много недругов и завистников. Десятки пар глаз пристально наблюдали за его действиями, и любая его оплошность могла стоить ему карьеры. Остерман предпочитал не рисковать.

Все перечисленные свойства натуры позволяли Андрею Ивановичу уверенно себя чувствовать в течение шести царствований и правлений регентов, одинаково нуждавшихся в его услугах. Умел он ладить и с фаворитами, нередко игравшими более значительную роль, чем монархи и монархини. Лишь Елизавете Петровне удастся отправить Андрея Ивановича в ссылку — в тот самый Березов, куда он в свое время упек А. Д. Меншикова. Причем и тогда Остерман мог бы избежать катастрофы, если бы его совета послушалась ленивая и беспечная правительница Анна Леопольдовна. Последние пять-шесть лет перед переворотом в пользу Елизаветы Петровны Андрей Иванович страдал недугом (подагрой), приковавшим его к постели, но это не помешало ему удерживать в руках кормило правления страной. Ему стало известно о готовившемся перевороте, и он велел себя одеть, усадить в кресло и внести в покои правительницы, чтобы предупредить ее о грозившей опасности. Но та по легкомыслию расхохоталась над его словами и стала показывать ему только что приобретенные платица для грудного императора Ивана VI Антоновича...

Падение Остермана случится в 1741 году. Ну а в 1727 году—в год, когда он был назначен воспитателем императора, — он занимал должности члена Верховного тайного совета, президента Коммерц-коллегии и вице-канцлера. Тем не менее он осознавал непрочность своего положения при дворе и необходимость лавировать между соперничавшими группировками, угождать то одной из них, то другой. Его престиж то падал, то поднимался до небывалой высоты, когда его, по словам саксонского посланника Лефорта, считали «ментором» русских вельмож, которые «без его совета ничего не предпринимают».

Наставник императора начал с того, с чего и должен был начать, — с составления «Представления о разделении часов, которые его императорское величество к своим наукам и забавам употреблять изволит». Этот документ он и подал на рассмотрение Верховного тайного совета. «Представление» состоит из двух частей: в первой автор изложил общий взгляд на воспитательный процесс; во второй распределил часы на каждый день недели.

Составляя документ, Андрей Иванович руководствовался принципами педагогической науки того времени — обязательным чередованием учебы и отдыха, развлечений и сна: «Понеже часы к наукам и забавам всегда переменятца имеют, того ради в разделении оных надлежит наипаче смотреть пред полуднем. И тако, ежели его императорское величество обыкнет порядочно в 9-м или 10-м часу почивать ложитца, то может паки о 7-м или 8-м часу вставать». По окончании сна прежде всего надлежало, «чтоб к Богу обратился», после чего можно приступить к занятиям.

Некоторыми знаниями Петр овладел под руководством Маврина и Зейкина: умел читать, писать и даже в какой-то мере владел латынью.⁸ Об этом свидетельствует текст письма Петра сестре Наталье Алексеевне. Судя по его содержанию, в котором вкратце была изложена своего рода программа

⁸ 6 июля 1727 года Хр. Гольдбах писал барону Остерману: «...Колико его величество в латинском, немецком и французском языках обучился, о том вашему превосходительству не известно, а что касается до наук и занятий, и то уже в присутствии вашего превосходительства оказалось, что его величество к тому некоторые начала, но без надлежащего порядка и довольственного понятия положил...» (См. Приложения.)

царствования, текст письма был сочинен не одиннадцатилетним отроком, но его наставником. Судите сами:

«Богу угодно было назначить меня в столь юных летах государем Российским. Первым долгом моим будет приобрести славу доброго монарха и управлять народом справедливо и богобоязненно. Я буду стараться покровительствовать и помогать несчастным; буду оказывать пособие бедным; внимать гласу невинно угнетенных и, следуя примеру императора Веспасиана, никого с печалью не отпускать от себя».⁹ Этим письмом наставник намеревался достичь двух целей, главнейшая из которых состояла в установлении добрых отношений между ним и великой княжной Натальей Алексеевной. Остерман не жалел хвалебных слов в ее адрес, стремился лестью и ей внушить доверие к себе. Другая цель — убедить великую княжну в том, что ее брат находится в руках надежного наставника, готового прививать воспитаннику чувство ответственности монарха перед подданными, которые под его скипетром обретут благоденствие.

Перейдем к рассмотрению расписания занятий на каждый день. Оно любопытно тем, что представляет собой первую заранее запланированную попытку воспитать из подростка монарха, владеющего необходимыми знаниями и способного умело управлять страной и решать внешнеполитические задачи. Кроме этой главной цели расписание имело в виду привить воспитаннику светские манеры, умение держать себя так, чтобы подданные видели в нем не простого смертного, а человека, Богом призванного властвовать над ними.

Из преподаваемых предметов много часов отводилось изучению истории, поскольку в те времена историю считали наукой опыта, который следует изучать монарху, чтобы не допускать ошибок предшествующих правителей как внутри страны, так и вне ее, и следовать примерам, приносившим им успех. Этот взгляд на значение истории выражен так: «Читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воследованною потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти ассирийскую, персидскую, греческую и римскую монархии до самых новых времен и можно к тому пользоваться яко автором первой части исторических дел Яганом Гибнером...»

Затем предполагалось перейти к новой истории, прежде всего соседних государств, чтобы изучить их силу и слабости, нравы и способности правителей.

«Предложение» предусматривало изучение главнейших из бытовавших в то время дисциплин: географии, арифметики, геометрии, механики, оптики и др.

Приведем в вольном изложении расписание на неделю, в которой каждый день делился на две части: до полудня и после него.

Понедельник: с 9 до 10 часов — древняя история, с 10 до 11 можно императору в своих покоях забавляться; с 11 до 12 часов продолжать изучать древнюю историю, с 12 до 2-го часа — время для обеда и покоя. Пополудни от 2 до 3 — танцы и музыка, от 3 до 4 изучалась география отчасти по глобусу, отчасти по карте. Время от 4 до 5 часов отводилось для забав, от 5 до 6 — покой, от 6 до 7 — продолжить прежние забавы.

Вторник: с 9 до 10 часов изучать новую историю, с 10 до 11 — отдых, с 11 до 12 продолжение занятий новой историей. Пополудни, с 2 до 3 забавляться игрой, а с 3 до 4 изучить арифметику и географию, с 4 до 5 часов можно забавляться стрельбой в мишень; с 5 до 6 — отдых, а с 6 до 7 «продолжать одну забаву из прежних».

⁹ Вейдемейер А. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. Ч. 1. СПб., 1838. С. 64, 65.

Среда: до полудня присутствие в Верховном тайном совете, пополудни с 2 до 3 обучаться игре в бильярд, с 3 до 4 продолжать изучать древнюю историю, с 4 до 5 забавляться ловлей птиц на острове, от 5 «можно покоитца, а от 6 до 7 часов продолжать прежнюю забаву».

Четверг: с 9 до 10 изучение географии, с 10 до 11 — отдых, с 11 до 12 — «паки географию». Пополудни с 2 до 3 — танцы, с 3 до 4 — новая история, с 4 до 5 — музыкальный концерт; с 5 до 6 продолжать слушать музыку или отдыхать, с 6 до 7 — гулять верхом на лошади.

Пятница: до полудня присутствие в Верховном тайном совете, пополудни с 2 до 3 игры (моментеншпиль, или бильярд); с 3 до 4 занятие математикой и оптикой, с 4 до 5 — прогулка на лошадях; с 5 до 6 — отдых; с 6 до 7 продолжение одной из забав.

Суббота: до полудня повторение пройденного по географии, что пройдено за неделю. Пополудни от занятий освобождается.

Расписание было одобрено и утверждено подписями Меншикова, генерал-адмирала Апраксина, канцлера Головкина и князя Голицына. Из его содержания можно заключить, что учебная нагрузка императора была не слишком обременительной. «Рабочий день» императора начинался в 9 утра и заканчивался в 7 вечера, то есть продолжался в течение 10 часов.

С понедельника по пятницу, то есть в дни, заполненные заботами всякого рода, на долю овладения знаниями отводилось 12 часов — это четвертая часть всех «рабочих» часов.

Остальные 38 часов предназначались для обеда и послеобеденного сна, отдыха между занятиями и разного рода развлечений: игр, танцев, концертов, езды на лошади и др.

По дням учебные часы распределялись неравномерно. Самым напряженным был понедельник — Остерман, видимо, исходил из того, что за половину субботнего дня и воскресенье воспитанник накопил достаточно энергии, чтобы посвятить усвоению знаний 4 часа. Во вторник и четверг император «грыз науку» по 3 часа, а в среду и пятницу — по одному часу. В эти два дня в дополуденные часы император должен был присутствовать в Верховном тайном совете, то есть осваивать опыт управления государством. Надо полагать, два часа, проводимые отроком в учреждении, были самыми нудными и утомительными — ему приходилось слушать не всегда понятные донесения воевод, губернаторов, коллегий, Сената и разного рода контор и канцелярий, а также обсуждения этих донесений и, наконец, указы по ним. Вряд ли все это могло вызвать у отрока живой интерес.

Дело с расписанием занятий изучал знаменитый историк С. М. Соловьев. Он, однако, не обратил внимания на текст, написанный мелкими печатными буквами, под которыми стоит подпись: «Петр». По всей вероятности, это поправки, внесенные самим Петром. Правда, должно отметить, что текст, как и подпись под ним, ничего общего с детским почерком не имеют.

Приведем этот текст полностью, несколько поновляя орфографию:

...

«В понедельник пополудни от 2 до 3 часов учиться, а потом солдат учить. Пополудни вторник и четверг с собаками на поле; пополудни в среду солдат обучать; пополудни в пятницу со птицами ездить; пополудни в субботу музыкою и танцованием; пополудни в воскресенье — в Летний дом и в тамошние огороды. Петр»

Повеление Петра существенно изменило составленное Остерманом и утвержденное Верховным тайным советом расписание. Оно уменьшило на 3 часа время, отведенное овладению знаниями, и ввело новые обязанности, возложенные на себя самим юным императором: экзерциции с солдатами, а также охоту на зверей и

птиц.

В деле имеется второй вариант расписания, составленный с учетом пожеланий Петра. Новизна его состоит в том, что пополудни в понедельник вместо танцев император с 2 до 3 часов намеревался обучать солдат, а послеобеденное время вторника и четверга, «ежели время хорошее, с собаками на поле ездить», а в пятницу — «со птицами ездить».

Этот вариант расписания, как и первый, не датирован, но с некоторой долей вероятности можно предположить, что оно составлено после падения Меншикова и появления при дворе Петра II Ивана Долгорукого, привившего императору страсть к охоте. Меншиков, как известно, охотой не баловался и с нареченным зятем ездил на охоту единственный раз.

Еще два варианта расписания также не подписаны и не датированы. Наибольший интерес представляет четвертый вариант. От предшествующих он отличается наличием текста о религиозном воспитании и введением нового приема обучения, а также изменением списка изучаемых предметов. Вероятно, это расписание было составлено также вскоре после падения Меншикова, который незадолго до этого упрекал Остермана в том, что тот стремится привить ученику лютеранскую веру.¹⁰ Подозрения Меншикова, видимо, имели основание. В депеше от 30 сентября Маньян сообщал, что канцлер Головкин будто бы обратился к Остерману с вопросом: «Не правда ли непонятно, как воспитание нашего монарха поручается человеку, подобному вам, который совсем не принадлежит к нашей религии и который сверх того, по-видимому, не использовал никакой религии».¹¹ На эти упреки Остерман и поспешил отреагировать.

Последний вариант расписания начинается словами: «Ежедневно поутру и первым Богу благодарение воздать, потом, убрався, учить что вчерашнего дня учил прочесть, дабы то всегда в незабытной памяти было, и потом труд вновь прилагать к наукам». Обучению наукам отводилось 3 часа в неделю: два до полудня и один час пополудни.

Из изучаемых предметов, включенных в первый вариант расписания, в четвертом отсутствуют древняя история, механика, оптика, танцы, музыка, экзерциции и охота, игра в бильярд. Быть может, частью забав император занимался в воскресенье: четвертое расписание освобождало от занятий два дня в неделю; «суббота для отдохновения от труда, а воскресенье — для гулянья». Исключенные предметы заменены фортификацией и политикой, а также совершенствованием знаний немецкого и французского путем перевода с русского на французский и немецкий, и наоборот. «Сверх того вместо забавы и для известия получаемые куранты (газеты. — *Н. П.*) читать и переводить». Известия о событиях, извлеченные из «курантов» в разных странах, надлежало закреплять поисками на карте места, в котором происходило событие, — «под которым горизонтом лежит и какое имеет положение, дабы впредь в знатной случай и во время разговоров и верящую отповедь дать можно». Специальное время отводилось беседе о вере.

Заканчивается четвертое расписание обязанностью посещать церковь и наставлением о поведении в ней: «В двенадцатые и Господские праздники и в воскресные дни приходить во святую церковь к литургии и во время оной стоять со страхом и пение слушать со вниманием, а особливо во время чтения Апостола и Евангелие прилежно слушать и рассуждать о Законе Божьем».¹²

¹⁰ Арсеньев К. Царствование Петра II. С. 138–141

¹¹ Сб. РИО. Т. 75. С. 90.

¹² РГАДА. Ф. 2. Д. 26. Л. 6–9.

К сожалению, сведения о том, как реализовались все эти расписания и каких успехов достиг ученик в усвоении преподаваемых дисциплин, отсутствуют. Сохранилась лишь небольших размеров черновая тетрадь с упражнениями по арифметике.

Можно, однако, утверждать, что в первые месяцы, когда Остерман приступил к исполнению обязанностей наставника, дело у него будто бы ладилось. Пока Меншиков был в силе, обучение царя шло успешно. Светлейший старался держать отрока в строгости. Уже 17 мая 1727 года Лефорт доносил: «Барон Остерман совершенно вошел в свою должность воспитателя императора, который часто с ним гуляет. Говорят, что Остерман употребляет все усилия, чтобы положенная на него обязанность делала ему все более и более чести». В июне того же года еще одно донесение Лефорта в том же духе: наставнику удалось заслужить доверие царя, «которым он вполне овладел».¹³ Но в том же июне отмечен тревожный симптом: «Кажется, что страсть царя к охоте увеличивается все более. Выдумывают разные средства, чтобы отвлечь его от этого, но страсть зашла так далеко, что он не в состоянии заняться чем-нибудь другим». Объяснялось все просто: в этом месяце Меншиков тяжело болел и, следовательно, ослабил контроль за поведением Петра.

В июле-августе жизнь императора как будто вошла в нормальную колею. Иностранные дипломаты отмечали успехи в его обучении. 12 июня 1727 года прусский посланник Мардефельд с похвалой отзывался об успехах Остермана: «Барон Остерман прилагает с большим искусством до того превосходные меры к воспитанию императора, что граф Рабутин (посол Австрии. — *Н. П.*) после каждого своего возвращения из Петергофа не может достойно нахвалиться ими». Спустя месяц с небольшим, 15 июля, Мардефельд продолжал восхищаться успехами наставника и его подопечного. Остерман с радостью сообщал ему, что молодой император ежедневно слушает его наставления в государственных делах, внутренних и внешних. Каждое утро приходит к нему император в халате и питает к нему такую любовь, какую нельзя выразить словами.¹⁴ Сообщение Мардефельда подтвердил в августе 1727 года Маньян: «Остерман не упускает решительно ничего, что могло бы содействовать усилению удивительного расположения, питаемого к нему молодым царем; постепенно его пребывание около молодого царя доходит до того, что он ни разу не избавил себя от обязанности сопровождать царя при всех его прогулках верхом».¹⁵

Нежность, которую воспитанник проявлял к своему наставнику, вполне объяснима: ставший в четырехлетнем возрасте круглым сиротой, не знавший родительской ласки и подвергавшийся жесткому контролю, а порой и грубому унижению со стороны Меншикова, юный Петр обрел в Остермане доброго и заботливого человека, и детское сердце ответило благодарной привязанностью. И Остерман в полной мере воспользовался своим влиянием на царя. Причем совсем не так, как ожидал от него Меншиков.

Именно в августе, когда Остерман завоевал любовь к себе царя, стало наблюдаться охлаждение в отношениях между царем и Меншиковым. Между ними произошло несколько конфликтов. В этой ситуации Петр естественно стремился обрести опору в Остермане, проявлявшем к нему теплоту, расположение и заботу.

¹³ Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 420.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 369.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 75. С. 66.

Отрок конечно же жаловался на притеснения Меншикова, рассказывал о своих столкновениях с ним. Надо полагать, уже тогда у Остермана созрела коварная мысль свалить Меншикова, а потому, вместо того чтобы заботиться о примирении, он исподволь стал внушать Петру мысль о необходимости освободиться от тирании князя.

После падения Меншикова (сентябрь 1727 года) интерес Петра к обучению заметно угас. Соответственно, возросла страсть к охоте. Вместе с этим стало падать и влияние Остермана. Андрей Иванович делал попытки отвлечь Петра от его страсти к охоте, правда, не слишком настойчивые.

В декабрьской депеше Мардефельда звучат уже тревожные нотки, хотя он по-прежнему восторгается успехами Остермана: «Барон фон Остерман пользуется милостью императора в такой степени, как никогда прежде, и царь дает ему столько доказательств своего расположения, как ему может быть желательно». Но в этой же депеше посланник сообщает о своем огорчении тем, что император «так слепо следует своим молодым любимцам, а в особенности Ивану Долгорукову в их тайных забавах, что он этим отвлекается от государственных дел...»¹⁶

Петр велел призвать ко двору Ивана Долгорукого сразу же после падения Меншикова. Тут же обнаружилось тлетворное влияние Долгорукого на Петра. Поначалу оно еще не было устойчивым, что явствует из донесений послов, отправленных в одни и те же месяцы — ноябре и декабре 1727 года. 4 ноября Маньян сообщал: «Царь с удовольствием каждое утро по несколько часов предается правильному обучению в апартаментах Остермана». Австрийский же посол Рабутин, отправивший депешу несколько недель спустя, придерживался диаметрально противоположного мнения, причем возлагал всю вину за несоблюдение ранее установленного порядка на Остермана: «Дело воспитания государя идет плохо. Остерман крайне уступчив, стараясь тем самым приобрести доверие своего воспитанника, и в этом заключается сильное препятствие успеху. Развлечения берут верх; часы учения не определены точно, время проходит без пользы, и государь все более привыкает к своенравию. Я не вижу, чтобы государь был прилежным. Об этом можно сожалеть тем более, что государь обладает необычайными способностями».¹⁷

В январе 1728 года испанский посол де Лириа сообщал: «Барон Остерман в отчаянии, что его труды по воспитанию пропадают даром». Остерман будто бы даже заболел после беседы с царем, которому он вынужден был говорить об образе его жизни. «Его величество, выслушав, ушел от него, не сказав ни слова. Спустя несколько дней он опять говорил ему о том же, прибавив, что его величество чрез несколько лет сам велел бы отрубить ему голову, если бы он не предостерегал его от пропасти, в которую он теперь стремится; и что он не может быть свидетелем его гибели и отказывается от звания воспитатель. Царь обнял Остермана и со слезами на глазах просил не оставлять его, но в тот же самый вечер принял за прежнее».

В последующие месяцы систематическая информация иностранных дипломатов о воспитании и обучении императора появляется лишь эпизодически. Так, К. Рондо доносил 19 сентября 1728 года: «Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а сановники — о том, как сгубить друг друга». Его преемник Т. Уорд 5 июля 1729 года изобразил более удручающее состояние дел с обучением императора, которое практически давно прекратилось: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по

¹⁶ Сб. РИО. Т. 15. С. 392.

¹⁷ Брикнер А. Русский двор при Петре II // Вестник Европы. 1896. № 1. С. ПО.

государственному управлению; ни малейшей доли его досугов не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные от верховой езды, охоты, развлечений, проходят в слушании пустых рассказней о том, что случилось с таким-то или таким-то». ¹⁸

При этом надо сказать, что современники достаточно высоко оценивали способности юного императора, хотя сведения их на этот счет, к сожалению, весьма отрывочны и неполны.

Бесспорно, самые обстоятельные сведения о способностях Петра мог оставить его наставник А. И. Остерман, непосредственно участвовавший в процессе его обучения и воспитания и наблюдавший свойства его памяти, рассудительность, способность быстро или медленно усваивать преподаваемые ему дисциплины и т. д. Остерман не оставил обстоятельных и конкретных суждений о способностях воспитанника. Однако мы узнаем о них из статьи А. Брикнера, изучившего донесения австрийских дипломатов о русском дворе при Петре II. Австрийский посол Вратислав затеял разговор с Остерманом, выразив «крайнее свое сожаление, что никто не думает о том, чтобы приучить Петра к занятиям делами, и что постоянное отсутствие государя отзывается вредно на ходе дел. Остерман говорил Братиславу в марте 1729 года, что не должно терять надежды и что при необычайных способностях Петра можно ожидать больших успехов, лишь бы было прилежание». ¹⁹

Не только Остерман, но и другие современники высоко отзывались о необыкновенных способностях Петра, но никто из них не удосужился поведать, в чем они выражались, в каких сферах его деятельности проявлялись. Больше всех восторгался одаренностью Петра II испанский посол герцог де Лириа. 21 февраля 1729 года он извещал свой двор: «Нужно опасаться, что его величество, одаренный большой проницательностью и довольно решительным характером, может принять какую-нибудь крутую меру, которая произведет изменения в здешнем правительстве».

В другом донесении де Лириа уже не толковал о «большой проницательности» Петра, но высказал опасения, что с возрастом могут проявиться отрицательные свойства его натуры: «Хотя и трудно сказать что-либо решительное о 14-летнем государе, но можно было догадаться, что он будет вспыльчив, решителен и, может быть, жесток, хотя с приближенными к нему он обходится ласково, однако же не забывает своего высокого сана и не вдаваясь в слишком короткие связи».

Третий отзыв де Лириа, сделанный уже после смерти Петра II, вступает в явное противоречие с первыми двумя, причем настолько, что появляются подозрения, принадлежит ли он перу испанского посла: «Добрые качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствование. В нем было много ума, сметливости, скромности. В нем не было никакой склонности к каким-либо порокам, а пьянство, в то время всеобщее, совсем не было по его вкусу... Он хорошо говорит по-немецки, по латыни и по-французски и имел хорошее понятие о науке. Но сделавшись государем в 11 лет, оставил совсем науку, а окружающие его русские старались отвадить его от чтения, чтобы он не научился. Он не имел еще довольно твердости духа, чтобы действовать по собственному побуждению». ²⁰

В этом панегирике нет ни грани истины. Если бы он был составлен при жизни

¹⁸ Сб. РИО. Т. 66. С. 19, 56.

¹⁹ Брикнер А. Русский двор при Петре II // Вестник Европы. 1896. № 1. С. 113.

²⁰ Там же. С. 111, 112.

Петра и отправлен обычной почтой, то можно было бы предположить, что де Лириа, зная о перлюстрации писем, предпринял попытку хвалебными словами в адрес Петра завоевать симпатии как его самого, так и правительства. Но в том-то и дело, что А. Брикнер, из статьи которого заимствована эта цитата, заявляет, что отзыв испанского посла был написан после смерти Петра II.

То, что отзыв испанского посла является односторонним, не подлежит сомнению. Де Лириа лучше, чем прочим иностранным наблюдателям, были известны пороки императора: его склонность к разврату, разгулу, жестокости (о чем речь пойдет в следующих главах книги), его нежелание учиться. Да и вряд ли можно согласиться с мнением де Лириа, когда он писал, что император забросил обучение из-за того, что окружающие его русские хотели, чтобы он пребывал в темноте и невежестве, дабы легче было управлять им.

О незаурядных способностях Петра толковали и другие иностранные дипломаты, находившиеся тогда в России. Но все они выражали сожаление, что способности эти никак не развиваются и расходуются впустую.